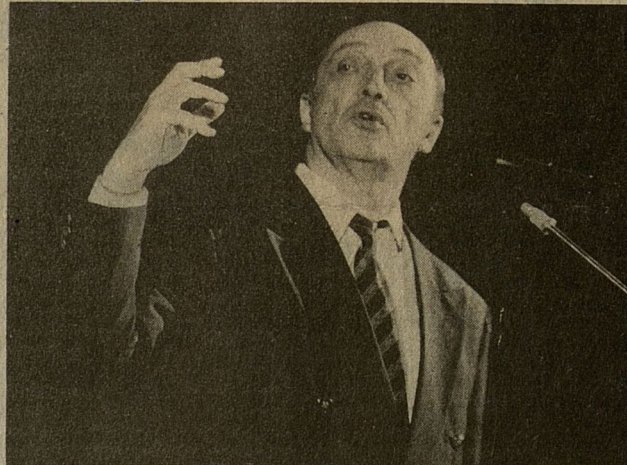

27.8.94

Козаков Михаил

Вез. клуб. - 1994. - 27 авг. - с. 3.

О том, как Козаков не хотел играть Тригорина

Я прилетел в Тель-Авив 26 июня 1991 года, зная на иврите два слова: шалом (здравствуйте) и бевакваша (пожалуйста). Причем «бевакваша» я выучил только потому, что есть артист Кваша. Меня пригласили в Камерный театр сыграть Тригорина. На иврите. Я сказал, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. А мне в ответ — посмотрите на Ирину Селезневу, она приехала на год раньше и уже сыграла моноспектакль «Хава руссит» («Русская любовь»). Так или иначе, я решился, испытывая страх за семью из пяти человек. Представьте, ваш покорный слуга сел с тетрадкой и большими русскими буквами, какими в детстве пишут «Мы не рабы, рабы не мы» приготовился записывать. Роль Тригорина начинается простой, короткой и мудрой фразой: «Каждый пишет, как он может и как хочет». Когда мне ее произнесли на иврите, я сказал, что с таким же успехом мог бы записать звук проезжающей машины.

Мы начали сначала, медленнее. Вообще, когда я читаю свои дневники того периода, становится страшно. Это было то же самое, как, не зная арифметики, заниматься высшей математикой.

О собственном театре

Высоцкий пел «А там на четверть бывший наш народ». Это, конечно, преувеличение, но на одну пятую — точно наш. Поэтому существует тоска по русскоязычному театру. И публика наша меняется: из зала уже иногда пахнет духами. Мой театр так и называется «Русская антреприза Михаила Козакова» — сегодня уже можно не стесняться такого названия.

О литературном труде

Книга «Рисунки на песке» не вышла здесь целиком по многим причинам. Полностью она издана в Израиле. Помимо «Рисунков», я включил туда воспоминания о моем друге Давиде Самойлове, напечатанные в свое время в наиболее интеллигентном журнале

Знакомый гастролер

Самое сложное — Чехов на иврите

Михаил Козаков
на сцене Киноцентра

Что-то изменилось в нем. Начал читать стихотворение, сбился. «Простите, я так не волновался даже когда Чехова на иврите играл». Но потом, кажется, оттаял, и мы увидели прежнего Козакова. Читал стихи, как всегда, замечательно, показывал видеозаписи своих израильских спектаклей и рассказывал.

За время своего визита в Россию актер успел сняться в нескольких фильмах, в том числе «Красная Жизель» режиссера Алексея Учителя — о балерине Спесивцевой и в экранизации повести Михаила Булгакова «Роковые яйца».

Скоро он привезет в Москву спектакли «Русской антрепризы Михаила Козакова» — «Чествование» Б. Слейда и «Возможную встречу» П. Барца, чтобы здесь «проверить себя, что я сделал на русском языке за эти три года».

А пока дадим ему возможность немного рассказать о себе, ведь для нас он молчал более трех лет, с того самого момента, как на премьере фильма «Тени» с этой же сцены попрощался со своими зрителями.

«22». А корректуру этой книги делали в Москве, и потому она вышла с таким огромным количеством корректорских ошибок.

О самой большой радости

Самую большую радость мне доставляет не театр и не то, что я могу играть на другом языке, а мое преподавание на иврите, который у меня достаточно беден. Просто когда люди очень хотят понять, а ты очень хочешь сказать, взаимопонимание всегда достигается. Когда я уезжал в Россию на съемки фильма «Красная Жизель», мои студенты спрашивали меня: «Ты вернешься (в Израиле все на «ты»), ты не останешься там (то есть здесь)? Мы будем без тебя скучать». Когда ты уже что-то вложил — неважно, в Россию ли, в Израиль, — очень трудно от этого отказаться.

О причинах отъезда

Я уехал, потому что не было денег ставить фильмы на телеви-

дении. Потому что поэтические концерты были никому не нужны. Я человек не самый храбрый, я испугался, что никому не нужен. Я имею в виду не зрителя. Просто не понимаю, почему не снимает Захаров, который во много раз талантливее меня, почему не снимает Фоменко. И я далек от мысли, что если бы я жил здесь, на мой вечер пришло бы столько народу.

Почему Израиль? Там сразу дают гражданство, там много таких, как я. Там спокойней. Мой сосед может мне крикнуть: «Эй ты, руси», я скажу «Эй ты, мароккан» — и мы разберемся. Да, есть вещи, ради которых там стоит жить сейчас. Мой сын, например. Но я давно понял: чем лучше будет здесь, тем каким-то непостижимым образом лучше будет нам там.

Ольга ФУКС.
Фото
Игоря ИВАНДИКОВА.